

НАКАНУНЕ

СИТНИЦЫ

Накануне 15 июня 1389 года на широком Косовом поле, у реки Ситницы, сошлись два несметных войска. С вечера встали они друг против друга. Одни вышли защищать землю отцов и дедов, землю детей своих и внуков, другие, словно хищники, хотели разодрать эту землю жадными когтями.

Был вечер накануне дня памяти пророка Амоса, покровителя Лазаря. Князь собрал к себе воевод, чтобы, может быть, в последний раз поднять заздравную чашу и вести совет о завтрашнем сражении. Много шумели воеводы и спорили, с горечью глядел на них Лазарь и молчал. Он не мог до конца положиться на них. К тому же кто-то донес Лазарю о том, что один из самых верных его воевод, Милош Обилич, собирается предать своих.

Поверил Лазарь клевете, встал и под-

нял чашу со словами:

— Выпей эту чашу, воевода Милош, завтра выдашь ты меня на Косове и побежишь к Мурату.

— Я всегда был верен князю Лазарю, я всегда был верен милой Сербии, завтра оправдаюсь пред тобою, государь мой, завтра вы услышите о верном Милоше, — ответил воевода, обиженный неожиданным подозрением, и вышел из-за стола с двумя своими друзьями, Иваном Косайничем и Миланом Топлицей.

Тихо-тихо было вокруг. Ветерок едва шелестел в высоких травах, и большая луна лила свой серебристый свет на бескрайнее поле, которое завтра отяжелеет от пролитой крови и застонет от лошадиного топота и людского крика.

Воевода Милош был мужем четвёртой дочери князя Лазаря. Ещё Душан взял его на воспитание, а Лазарь поставил его

воеводой небольшой сербской области Поцерье. В семье князя очень любили Милоша. Всегда радостный, услужливый и кроткий, он пришёлся по нраву княгине Милице. Простые сербы уважали его мужество и прямодушие, и многие в народе надеялись, что Милош будет одним из самых верных защитников Сербии и не отдаст свое отечество в руки туркам. Кроме того, он был ближайшим другом самого сильного среди сербов и страшного в своей силе юнака Марко-королевича.

Марко был сыном короля Вукашина, но никогда не сочувствовал отцу и держался вдалеке от его нечестивых дел. После отцовской смерти Марко стал править в восточных сербских землях, которые быстро подчинились турецкому султану. Ему пришлось служить туркам, но везде и всюду он пытался принести пользу родной стране. Его образ овеян легендой, ему приписывается невероятная сила, сам султан боялся его, трепетал перед ним и, завидев его, прижимался к стене, а в народе во всё время турецкого ига говорили:

— Ещё спит королевич Марко, конь его Шарец щиплет ещё мох под старую елью, а меч его воткнут в расщелину огромного камня, но ударит час, проснётся Марко и прогонит окаянных врагов, вернёт Сербии свободу.

Марко не был на Косовом поле, не сложил он там своей головы, долго еще предстояло ему скитаться по свету, совершать свои грозные подвиги, а час Милоша уже пробил. Как стоял он, так и умер хранителем родины.

За друзей своих положил душу.

В ночь накануне битвы, решаясь на последний свой подвиг, Милош обнял Ивана Косайничича и Милана Топлицу и спросил:

— Много ли у врагов войска? Можем ли мы победить турок? Косайничич отвечал Милошу:

— Брат мой, Милош Обилич, я высмотрел турецкое войско, куда как сильно оно.

Обернись мы в соль, не насолити бы туркам одного завтрака. Долго, брат, ходил я по ордах: не нашёл ни краю, ни счёту. Упади с неба проливной дождь, негде будет каплям лечь на землю, все попадали бы на копей да на воинов.

Но Милош продолжал спрашивать:

— Скажи мне, брат Иван, где шатёр турецкого царя? Я дал слово перед князем нашим Лазарем заколоть Мурата и ногою стать на горло его.

Но Косайничич в страхе уговаривал друга:

— Ты потерял разум, Милош! Где шатёр Мурата? Уж известно — посреди турецкого табора. Имел бы ты соколиные крылья, да пал бы ты с неба, и тогда бы не вынесли тебя твои перья назад.

Но Милош молчал, полный решимости доказать любимому князю свою верность.

А Лазарь той ночью остался один у своей палатки. Воеводы разошлись. Луна лила свой ровный свет на стол с остатками ужина, на примятую траву, оружие, коней, спящих воинов, тлеющие угли костров. Было тихо, и словно Кто-то, таинственный и великий, смотрел на Косово поле сквозь усыпанное крупными звёздами небо. Князь присел на камень, прикрыл глаза и задремал на короткое время. Внезапно чей-то голос позвал его:

— Лазарь! Лазарь!

Он открыл глаза. Луна так же освещала военный лагерь, но всё вокруг, казалось, было подернуто туманом. А прямо к нему шёл со стороны турок юноша в белой одежде. Он остановился в двух шагах. Лазарь приподнялся. Рука его нащупала саблю.

— Кто ты?

Вместо ответа юноша поклонился князю, перекрестился и промолвил:

— Мир тебе...

От этих слов Лазарю стало вдруг так спокойно, так тихо на душе, как будто не было впереди страшной битвы, как будто турецкие кони не ржали в версте от сербского лагеря, как будто не было всей этой мятущейся земной жизни. Ровный свет, радостный и мирный, горел в его сердце.

— Скажи, Лазарь, чего ты хочешь: земного царства, силы и славы, чтобы тебя величали грозным владыкой, имени твоего боялись, а всякого слова слушались, чтобы имя твоей Сербии пронеслось бы со славой по всему миру, народы бы дивились уму и силе твоего племени, все бы мечтали подражать ему и встать под его начало, хочешь ли, чтобы враги сербские были поражены и не смели бы больше посягать на твою землю, чтобы от оружия сербского трепетал весь мир? Или ты хочешь, чтобы ты и твой народ

испили бы здесь, на земле, горькую чашу унижения и позора, чтобы имя сербское было обесславлено, а земля твоя оросилась бы кровью и слезами сербскими, но чтобы там, у престола Божия, весь твой народ, воинство твоё, твои пахари и пастухи, матери и жёны, младенцы и юноши, просияли бы тихим светом вечной радости, наслаждаясь видением лица Господа нашего Иисуса Христа?

Опустив голову, слушал Лазарь небесного вестника. Он боялся даже смотреть на того, кто говорил с ним.

— Что нам земная слава, если Христос отвернётся от нас? — произнес князь и поднял лицо. Возле него никого не было. На востоке загорелось слабое сияние. Разноголосый хор птиц уже высвистывал свои утренние молитвы. Лазарь отправился к белой монастырской церкви на берегу Ситницы. В предутренних сумерках она была похожа на большой корабль. Старенький привратник стоял лицом к востоку и молился, беззвучно шевеля губами.

— Отец, сегодня должно причаститься всё войско, звони к Литургии...

Вскоре ударило било. Со всех сторон сходились к церкви воины. Огромное поле на краю лагеря обратилось в беспредельный храм. Когда началось причастие, солнце, наконец, выкатилось. Ещё нежное, золотистое, оно приветливо глядело в торжественные, строгие лица. Служило много священников. Долго шли сербы к святым чашам, и когда последний воин причастился, пора было строиться в ряды и выходить навстречу врагу.

Т. Воронин

Продолжение следует

Можно ли родиться художником?

После окончания училища Ваней овладела какая-то невероятная жажда рисовать. Он стал зарисовывать буквально всё, что попадалось на глаза — пейзажи, людей, животных. Получалось не слишком хорошо, и мальчик напряжённо вглядывался в репродукции картин, пытаясь уяснить, в чём секрет.

Он хотел дойти до всего сам, но вскоре ясно понял — рисованию тоже нужно учиться. Учиться много, настойчиво.

Да, прежде чем стать знаменитым русским художником, Ивану Крамскому пришлось много упорно учиться. Случай свел его с Михаилом Борисовичем Тулиновым, фотографом и художником. Искренний интерес к живописи Ивана Крамского понравился Тулинову. Они подружились. Фотография тогда только начиналась, была ещё несовершенной. Изображения выходили порой недостаточно чёткими, приходилось подправлять на снимках контуры, снимать специальными растворами проявлявшиеся кое-где пятна или затушёвывать их, накладывать тени — словом, ретушировать. Иногда заказчик хотел, чтобы портреты были раскрашены акварелью (ведь цветной фотографии ещё не было). Эти заказы Иван выполнял с особым удовольствием.

Как-то к Тулинову обратился заезжий фотограф Данилевский. Он колесил из

города в город, поспевая туда, где происходили военные смотры, открывались ярмарки или намечались какие-либо другие события, привлекавшие множество народу. От него в разгар сезона ушел ретушёр. Заказы для него выполнил по просьбе Тулинова Иван Крамской. Да так хорошо, что Данилевский стал уговаривать Ивана поступить к нему на службу. Предложение показалось интересным. Оно давало возможность поехать по России и узнать жизнь, давало самостоятельный и вполне приличный заработок, предоставляло возможность совершенствоваться в рисунке.

Добрую половину России объехал Иван за время работы у Данилевского: Харьков, Орел, Курск, Казань, Тулу, Москва, Нижний Новгород... Много увидел, узнал и осмыслил в этих поездках Иван. Главное — душу народную. Впоследствии эти незабываемые впечатления станут источником, питающим его художнический дар.

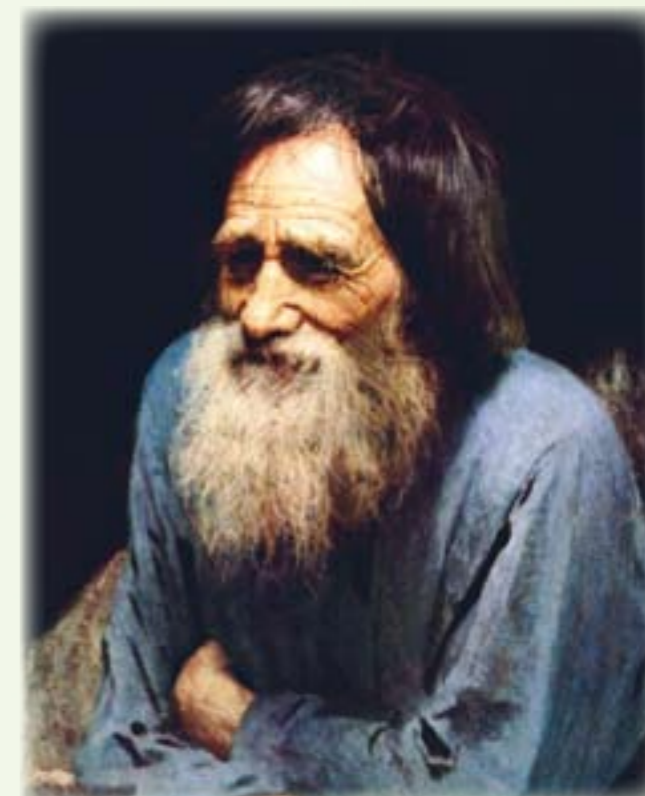
Постоянно имея дело с фотопортретами, Иван сделался хорошим физиономистом, научился легко схватывать характерные черты людей, пытался сам рисовать портреты. И все же в мечтах виделся Петербург, Академия художеств. Наконец, в 1857 году, он приезжает в Петербург. Петербург поначалу подавил и поразил Крамского „величественной своей сухостью“. Сотни молодых провинциалов в поисках счастья терялись там и, не выдержав борьбы за существование, либо покидали город-исполиин, либо опускались на дно жизни. Но Иван Николаевич твердо знал, чего хотел. В своём деле он был, бесспорно, мастером. Он поступил на работу главным ретушёром к знаменитому тогда фотографу Деньеру. Средства теперь вполне позволяли поступить в Академию. После упорных упражнений в рисовании с гипсовых слепков (для зачисления в Академию нужно было представить на Совет Академии рисунок с античного образца) Иван, посоветовавшись с друзьями, решил, наконец, отнести работу в Академию художеств. Рисунок был оценен по достоинству, и осенью 1857 года Иван Николаевич Крамской был зачислен учеником в Петербургскую Академию художеств.

Начались занятия. Крамской старательно, добросовестно выполнял все за-

дания. Совершенствовался в рисунке, учился композиционно строить картины, то есть располагать изображаемое на полотне так, чтобы место каждой фигуры, каждого предмета было оправдано, чтобы они не мешали друг другу и создавали в целом единое законченное впечатление. Ученик делал успехи, получал академические награды.

Однако чем дальше, тем скучнее становилось ему на занятиях. Устаревшая система преподавания не развивала личных способностей каждого. Программы составлялись так же, как и столетие назад. Из года в год, из года в год рисовали и писали красками в основном мифологических богов и героев да изысканные пейзажи в итальянском духе. „Изыщество должно быть во всем,“ — провозглашали профессора. Такой подход к обучению не удовлетворял молодых художников. Им хотелось серьёзных разборов работ, хотелось рисовать и писать саму жизнь — настоящую, неприкрашенную. Потому-то в свободное от занятий время они рисовали с натуры. А потом обсуждали свои работы, советовались, спорили. Художники старались придавать своим произведениям современное звучание и мечтали о свободном выборе сюжетов.

В 1863 году художники написали и подали в Совет Академии прошение о свободном выборе сюжетов на конкурс. Ответа не последовало. В день конкурса 9 ноября 1863 года художники собрались в конференц-зале. Поднялся вице-президент и зачитал программу: „Совет императорской Академии художеств к предстоящему в будущем году столетию

Академии для конкурса на Большую золотую медаль избрал сюжет из скандинавских саг — „Пир в Валгалле“: на троне бог Один, окружённый богами и героями, на плечах у него два ворона; в небесах сквозь арки дворца Валгаллы видна луна, за которой гонятся волки...“

Бруни ещё не успел объяснить, какие и где взять материалы, как от группы учеников отделился уполномоченный Иван Николаевич Крамской. Вежливо и твердо объяснил, что они не примут участия в конкурсе, так как Совет не счёл возможным выполнить их просьбу. Изложив все потрясённым членам Совета, Крамской положил свое заявление на стол делопроизводителя и твердой походкой вышел из зала. Так же поступили и остальные. Совет и предположить не мог, что дело примет такой оборот. Ведь эти юноши были лучшими учениками, регулярно получали награды. И вдруг — отказ от конкурса, от самой Академии. Бунт. „Бунт четырнадцати.“ Так известен он в истории русской живописи.

Артель художников создалась как бы сама собой. Молодые художники горячо верили в правоту своих убеждений и страстно хотели работать. Но поодиночке им не выстоять. Выйдя из Академии, они оказались без всяких средств. У большинства не было денег на жильё, на материалы: краски, кисти, холсты, бумагу. Чтобы не пропасть, надо было объединиться. Что они и сделали. Крамской и ещё пять товарищей сняли вместе просторную квартиру на 17 линии Васильев-

И.Н.Крамской. „Христос в пустыне“

ского острова. Самую большую комнату сделали гостиной, часть комнат отвели под мастерские. Сюда приходили работать и остальные члены Артели, жившие в других местах. Хозяйство вела Софья Николаевна Крамская, молодая жена Ивана Николаевича, добрый его друг и помощник. Сам Крамской оставался главой и душой сообщества.

Какое это было для них замечательное время! Поначалу, когда художники въехали в свою новую квартиру, всё их совместное имущество состояло из трёх стульев и одного трёхногого стола. Но никто не унывал. Тем более, что у Софьи Николаевны оказалась вовсе роскошная вещь — старый рояль. Его, конечно, поставили в гостиную. По вечерам хозяйка садилась за рояль и играла, а художники устраивались со своими альбомами кто на подоконнике, кто у стола, кто на полу — и рисовали. Затем по традиции начиналось общее чтение, потом обсуждение. Всё казалось важным, интересным. „Это был хороший момент в моей жизни,“ — вспоминал много лет спустя Иван Николаевич.

Крамской, высоко ставивший задачи искусства, сыграл важную роль в развитии молодых живописцев. Дела Артели

шли все лучше. Добросовестное талантливое исполнение заказов снискало художникам признание и известность. И все же в делах Артели его не устраивало достигнутое. Расстраивало, что творчество художников было известно только людям состоятельным. Крамской решил устроить выставку для простых людей.

Выставка открылась в Нижнем Новгороде. Там каждое лето работала знаменитая Всероссийская ярмарка, и люди съезжались из всех городов и деревень. Выставка имела беспорный успех. Именно возле картин, сюжеты которых были взяты прямо из жизни, всегда толпился народ: все знакомое, словно подсмотренное в их деревне, в их городе

Целое поколение молодых художников считало Крамского своим учителем. Его одобрение и похвала ценились выше академических наград. Влияние его на художников-современников росло. Тому немало способствовали черты его натуры — ум, честность, стойкость, решительность.

А вскоре Крамской стал во главе нового художественного братства — Товарищества передвижных художественных выставок. Художники хотели, чтобы народ узнал отечественное искусство, и сами стремились как можно глубже познать жизнь русского человека и служить ему

И.Н.Крамской. „Портрет Государя Александра III“

своим искусством. Уже первая выставка, открывшаяся в ноябре 1871 года, поехала потом из Петербурга в Москву, затем в Харьков и Киев. Судя по количеству проданных билетов, её посетили 29503 человека. По тому времени — число огромное. Успех превзошёл все ожидания.

Иван Николаевич был удивительным портретистом, но всю жизнь не оставлял мысли о написании картины с глубоким сюжетом, который бы отражал все внутренние движения его души. Итогом его раздумий о жизни явилась картина „Христос в пустыне“, выставленная на Второй выставке передвижников в 1872 году. Посреди голой, безлюдной пустыни сидит на камне Человек. Он погружён в глубокую думу. Зло, царящее в мире, человеческие несчастья и беды — вот что волнует его. Он хочет дать людям добро, но для этого должен пойти на страдания и смерть. Он выбирает именно этот трудный, трагический путь, решает обречь Себя на гибель ради людей, принести Себя в жертву ради Добра. Эта картина, написанная, как говорил сам Крамской, „слезами и кровью“, заставила задуматься многих людей о цели и смысле человеческой жизни. Писатель Гончаров, глядя на одинокую фигуру в безмолвном пространстве, был буквально потрясён „внутренней нечеловеческой работой над своей мыслью и волей — в борьбе сил духа и плоти, и, наконец, в добытом го-

товом одолении...“

„Христос в пустыне“ — это вершина творчества Ивана Николаевича Крамского, его художественное завещание новым поколениям русских людей. Эта картина рождает в душе русского человека те вопросы, на которые он непременно должен ответить.

Жизнь Крамского, как видим мы, спустя более чем сто лет, как понимал он сам, есть служение России. И ушёл из жизни Иван Николаевич, как уходит солдат, в строю, во время написания портрета замечательного детского доктора Раухфуса.

Придём в Третьяковскую галерею, Русский музей, постоим в раздумье перед его работами. Увидим портреты, на которых запечатлелись прекрасные человеческие черты: вера, верность, талант, ум, доброта, красота, сила духа. Ответом ему — наше восхищение перед его полотнами, наша благодарная память.

По книге Ирины Ненароковой
„Крамской“

И.Н.Крамской. „Портрет Государыни Марии Феодоровны“

ЕЛЕНА-РОБИНЗОН

ГЛАВА 12

лена проснулась, лишь только первые лучи солнца осветили зелёную беседку. Чтобы не разбудить отца, она осторожно вышла и направилась к озеру освежить себе лицо.

Заметив по возвращении, что отец проснулся, она поспешила к нему и предложила отведать только что сорванного сочного винограда, но он отказался и попросил воды.

— Я думаю, — сказал он, — нам лучше

отправиться на ту сторону озера вдвоём. Ты будешь сообщать мне обо всём, что увидишь, и мы на месте обсудим, что делать. Но сначала я хочу побывать в таинственной пещере. Сведи меня туда.

Подкрепив себя скромным завтраком, отец с дочерью направились к пещере.

Там Елена подробно описала ему форму высеченных у входа цифр, положение и внутренний вид пещеры.

После короткого раздумья старый моряк пришёл к заключению, что остров в настоящее время необитаем.

— Найденные тобой следы ясно свидетельствуют, что здесь в давно минувшее время жил какой-то несчастный, которого судьба забросила на этот одинокий остров, — сказал он в заключение.

Елена подала отцу подзорную трубу и флейту. Старый моряк долго ощупывал обе вещи.

— Это старинные вещи, — сказал он наконец, возвращая дочери подзорную трубу. — Я помню, что ещё в молодости видел такие.

Он поднес флейту к губам и извлёк из неё несколько полных, приятных звуков.

— Какой прекрасный инструмент! — заметил он. — Он будет развлекать меня в минуты грусти и наполнит праздное время.

— Да, да, папа! — добавила Елена. — Когда я буду уходить в лес, ты всегда можешь при его помощи позвать меня. Это приятная находка...

— Но пора, друг мой, идти дальше, — перебил её старик, — иначе мы мало успеем осмотреть до вечера.

— Позволь только мне сначала посмотреть, куда вливается этот ручеёк. Не протекает ли он мимо того места, где мы оставили наши вещи. Ты же пока отдохни здесь! Тут так прохладно.

— Ступай, друг мой, но возвращайся скорее. Спустя некоторое время, Елена уже стояла у того места ручья, где он, в виде водопада, шумя и пенясь, низвергался на береговые скалы. С одной стороны водопада находилась созданная самой природой тропинка, спускавшаяся к само-

му берегу моря.

Следуя вдоль по течению ручья, Елена скоро дошла до того места, где ручей делился на два рукава, из которых больший прямо впадал в море, между тем как другой отклонялся сторону и, тихо струясь, извивался между береговыми скалами близ того места, где они ступили на берег. Невдалеке лежали выброшенные морем вещи.

Елена пошла вдоль берега и вдруг в изумлении остановилась перед несколькими выступами скал: среди них застряли почти все вещи и одежда, унесённые ливнем.

Опасаясь, чтобы прилив или буря снова не лишили её этих сокровищ, она принялась собирать и перетаскивать их выше, к подножию горы. Из предосторожности она даже привязала их к дереву крепкими лианами, вполне заменившими ей верёвки.

Этот непривычный труд сильно утомлял Елену; она вынуждена была часто останавливаться, чтобы перевести дух. Но зато с каким удовольствием присела она отдохнуть, когда наконец работа была окончена!

Вернувшись в пещеру, она застала отца спящим: он сидел за столом, прислонясь к стене головой.

Опасаясь потревожить его, она тихо направилась к выходу. Но шорох разбудил старика.

— Ты давно пришла? — спросил он с удивлением. — Зачем ты не разбудила меня?

— Ты спал так сладко, папа, отдых тебе необходим! Ведь нам придётся мно-

го ходить сегодня!

Вместо ответа старик обнял свою заботливую дочь.

Они спустились в долину и направились вдоль озера к роще.

Там Елена, к изумлению своему, заметила множество деревьев, расположенных в замечательном порядке.

— Большая часть деревьев, — говорила она отцу, — расположены правильными рядами и, по-видимому, посажены рукой человека. Не может быть, чтобы то была одна игра природы! Одни из них покрыты прекрасными сочными плодами, а другие ещё в цвету!..

— Не видишь ли ты тут поблизости какого-нибудь жилья? — торопливо спросил старый моряк, перебивая её.

— Нет, но здесь много красивых беседок. Пойдем, папа, посмотрим их!

— Подожди, друг мой, сначала посмотрим эту рощу, а потом уж заглянем в беседки!

Елена повела отца дальше, описывая ему всё до малейших подробностей. Наконец она вышла с ним на открытую поляну, среди которой находилось поле, густо поросшее разными растениями. Когда же они подошли ближе, Елена заметила, что некоторые растения как будто знакомы ей.

— Папа, папа! — воскликнула она. — Вообрази: на этом поле среди массы сорной травы растут стебли маиса и бобов... Но как запущено это поле!..

— Это служит новым доказательством моей догадки, что мы одни на этом острове! — заметил старый моряк.

Наконец они дошли до конца рощи и очутились перед высокой крутой горой.

— Впереди нас находится какое-то странное строение! — боязливо прошептала Елена, внезапно остановившись.

— Не бойся, дитя моё! Веди меня туда, — ободрял её старик спокойным голосом.

— Это, кажется, грот, — сказала Елена,

когда они подошли ближе. — Крыша, выступающая над входом, пристроена к отвесной скале и поддерживается четырьмя колоннами. А вот и надпись над гротом! Только отсюда трудно прочесть.

Елена подошла ближе.

„Альберт Невиль, 1729“ — прочитала она наконец, с трудом разбирая почти стертую временем надпись. — Это тот самый год, папа, который высечен при входе в пещеру у водопада, — прибавила она, пытливо осматриваясь. — Там дальше, у горной стены, я вижу ещё несколько таких же пристроек. По-видимому, тут жил не один человек, а несколько!

— Сведи меня, друг мой, в этот грот. Я хочу отдохнуть немного.

Они вошли в грот. Своды и стены его были местами выровнены. Тут находился сложенный из камней стол, на котором лежала большая книга. Сгорая от любопытства, Елена бросилась к ней и так быстро развернула, что крышка переплета отстала и, к её изумлению, очутилась у неё в руках. Оказалось, что книга до того

истлела, что листы в ней рвались и ломались при каждом неосторожном прикосновении к ним. Елена с сожалением сообщила отцу об этой неудаче.

— Не будь так нетерпелива, мой друг! — заметил он. — Перевертывай листы осторожно, и тогда книгу можно будет читать. Вот ещё доказательство, что на острове давно не было людей. По воле Провидения мы неожиданно получаем наследство!

Елена стала осторожно перелистывать книгу и к великой радости своей увидела, что это была Библия на английском языке. Старик также немало обрадовался этой находке.

— Теперь я вижу, что тебе не опасно ходить одной на разведку, — сказал он. — Я устал и отдохну здесь. Если ты хочешь, ступай одна!

— Но тут тебе негде сидеть, папа, —

Елена вошла с отцом в грот

возразила Елена. — Этот грот, кажется, служил храмом прежнему обитателю. Недалеко отсюда есть другой. Не пойти ли нам туда? Там, наверное, найдётся скамейка.

— Ты говоришь, что этот грот напоминает храм? — спросил старик. — В таком случае я останусь здесь. Ступай одна, если хочешь. Оставь мне только флейту. Когда ты мне понадобишься, я позову тебя. Пока я буду играть хоралы, ты можешь спокойно бродить кругом. Только не уходи далеко.

Елена разостлала на песчаном полу одеяло, поставила скорлупу с водой около Библии и вышла, захватив с собой на всякий случай топор.

Следующий грот был пуст и совсем заброшен. Казалось, бывшему обитателю его не под силу было очистить его от лежавших там каменных глыб.

Дальше она встретила ещё две тёмные, совсем заброшенные пещеры и, наконец, пришла к гроту, служившему, по-видимому, жилищем прежнему обитателю острова. В углу стояла кровать, устланная истлевшими листьями, а близ неё каменный стол, заваленный разными

хозяйственными вещами, свидетелями о скромном образе жизни и скромных потребностях обитателя. Вещи эти состояли преимущественно из топоров, лопат, ножей и тому подобных орудий.

Елена внимательно пересмотрела всё, надеясь найти какие-нибудь бумаги, в которых заключались бы сведения о жизни и судьбе прежнему обитателя. Но здесь не оказалось ничего подобного.

В следующем гроте она, к своей радости, увидела несколько книг, разбросанных в беспорядке на большом камне, заменявшем стол. Кроме них, там лежало множество высохших пальмовых листьев. Елена хотела было сбросить их с камня, как вдруг с удивлением заметила, что они сплошь исчерчены какими-то

голубоватыми знаками. Оказалось, что несчастный обитатель острова воспользовался тем же способом излагать свои мысли, как и она, с той только разницей, что наполнил исчерченные места какой-то краской, благодаря которой письмо легко читалось.

Елена осторожно взяла верхний лист и принялась разбирать его. Оказалось, что письмо было написано на устаревшем французском языке и таким тяжёлым слогом, что она едва могла разобрать его. Впрочем, этому немало мешало также и её возбужденное состояние. Она решила отложить чтение до другого времени и пошла осматривать остальные части роцци.

Под огромной смоковницей Елена нашла небольшую беседку, лёгкие стены которой состояли из полусгнивших жердей, густо обвитых ползучими растениями. На крыше лежал толстый слой сухих, почти истлевших листьев. Одна стена и половина крыши уже обвалились от времени. На задней стене висели сабля, ружьё, два пистолета с пороховницей и одежда, по-видимому, военная. Оружие было покрыто ржавчиной, а одежда казалась

до того ветхой, что стоило только дотронуться до неё, чтобы она рассыпалась в прах.

Рядом с беседкой, между двумя деревьями, находился небольшой очаг, на котором среди пепла и угольев стояло несколько самодельных глиняных горшков, служивших для приготовления пищи.

Дальше она нашла ещё одну полуразрушенную беседку и в раздумье вошла в неё.

„В какой пещере нам поселиться? Где будет лучше для отца?“ — спрашивала она себя и наконец решила, что лучше всего поселиться в долине — там уже есть готовое жилище. „Крайний грот особенно удобен для этого, — думала она. — Перед ним к тому же находится

лужок, по которому отец может ходить без моей помощи.“

В это время до слуха её донеслись звуки флейты. Елена встрепелулась и стала прислушиваться, не зовет ли её отец. Но старик играл какой-то псалом, и мерные звуки флейты сливались с весёлым щебетанием птиц.

Остальную часть дня Елена решила употребить на сбор плодов для обеда и на чтение найденных записок, а на следующий день она хотела перенести вещи с морского берега. Из материи она рассчитывала шить одежду себе и отцу.

Эти мысли о предстоящей деятельности оживили её. Она с радостью думала о том, каким заботливым уходом и какими попечениями сможет окружить своего престарелого слепого отца.

Эти планы о будущем омрачались лишь тоской по матери и далёкой родине. Воображение рисовало бесконечное число одиноких дней, которые ей суждено будет провести на этом пустынном острове.

Но в то же время какой-то голос говорил ей, что она не должна поддаваться унынию и терять время в пустых мечтах, когда на ней лежит священная обязанность заботиться о беспомощном отце, для которого она составляет единственную опору.

Долго сидела Елена в глубоком раздумье. Вдруг позади неё послышался сильный шорох. Она в испуге вскочила и из-за покрывавших стену ползучих лиан увидела огромного черношейного лебедя, гнездо которого находилось у наружной стены беседки. По-видимому, он был чем-то сильно раздражён. Елена хотела было бежать, но в это время птица быстро поднялась с гнезда и устремила на перепуганную девушку свои сверкающие злобой глаза. Елена видела, что злая птица хочет броситься на неё, и вспомнила, как на одну из подруг напал лебедь, едва не убивший её.

Не успела Елена опомниться, как лебедь просунул сквозь густую листву свою длинную шею и, схватив её за платье, оторвал большой кусок. Елена сильно перепугалась и бросилась было из беседки, но в ту же минуту почувствовала, что

рассвирепевшая птица ухватила за подол её платья и с силою потащила к себе. Елена вскрикнула и, схватив лежащий на земле топор, ударила своего врага по голове. Лебедь мгновенно выпустил её — он был убит.

В ту же минуту из грота послышался крик слепого старика. Елена бросилась туда, чтобы успокоить отца, и издала увидела, как он спешил к ней на помощь с распростертыми руками, хватаясь за ветви и спотыкаясь о корни и кочки.

Елена подбежала к нему.

— Хорошо, что всё кончилось так счастливо, — сказал он, выслушав рассказ о её приключении. — Теперь ты легко можешь приручить птенцов.

Поданная отцом мысль — вскормить молодых лебедей — очень обрадовала молодую девушку.

— А бедная мать! — сказала она со вздохом. — Она погибла, защищая своих малюток!

— Что же делать, друг мой! Ведь ты защищалась! — утешал ее отец. — Теперь поди зарой птицу. В этом климате нельзя долго оставлять на воздухе убитых животных: они скоро начинают разлагаться. Но отведи меня сначала обратно в грот.

Проводив отца, Елена вернулась к беседке, откуда уже доносились тоскливые крики осиротевших птенцов. В гнезде оказались два птенчика, уже начинавшие оперяться. С жалобным криком протягивали они свои тонкие чёрные шеи к лежавшей около гнезда убитой матери.

Елена стало невыразимо жаль убитого лебедя. Чтобы успокоить птенцов, она оттащила его от беседки, нарвала ягод и принялась кормить сироток, которые с жадностью хватили из её рук спелые ягоды; затем с помощью лопаты она вырыла неглубокую яму и закопала лебедя.

Э. Гранстрем

Солнце никогда не застаёт их в постели

Не давай сна глазам твоим и дремания веждам твоим; спасайся, как серна из руки охотника и как птица из руки птицелова. Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым.
Царь Соломон.

Господь любит все свои создания, но всё же как и среди людей есть те, на ком Он особо явил милость свою, так и среди других живых творений есть особо одарённые божественными талантами. В прошлом году в статьях „Встречи с дядей Мишей“ („Кораблик“ №№ 9, 10) мы познакомили вас, ребята, с одной из таких избранниц Божьих — пчелой, у которой так же, как и у муравья, советует нам учиться житейской мудрости Царь Соломон: „Посмотри, коль деятельница есть, какая она труженица, делание же коль честное творит!“

Сегодня мы с вами познакомимся поближе с её родственником — муравьём. Что же общего, удивитесь вы, у перелетающей с цветка на цветок пчелки и маленького, ползающего по деревьям и травинкам муравьишки? Совсем недавно я тоже никак не связывала их. Но ученые считают их родственниками, поэтому и относят к одному отряду, который называется „перепончатокрылые“. А главное, что роднит их в наших глазах, — это трудолюбие, именно за это и приводят их нам в пример для подражания. Ведь, правда же, вы никогда не видели муравья или пчелу, лениво отдыхающими на солнышке?

Более ста лет тому назад протоиерей Иоанн Наумович, чтобы воспитать в детях трудолюбие, с большим уважением рассказал им о муравье, даже написал для ребят очень поучительную книжку,

которую назвал так: „Чему нас учат муравей и пчела“. Вышла она в 1907 году в издании „Троицкий по-

дарок для русских детей“. Батюшка Иоанн обращает внимание детей на этого неутомимого труженика, говоря о нём с большим уважением: „Муравей — такое малое создание, что кажется — какая может быть у него сила? Посмотри, а какие великие дела он делает! Он ни на минуту не остаётся без дела, он всегда занят, постоянно бегает взад и вперёд, всю весну, всё лето и осень таскает в свой муравейник то, что нужно будет зимою. И надобно удивляться не только его трудолюбию, но и его непреклонной воле. Найдёт что-нибудь для себя полезное, а нести ему не под силу, но он не бросает дела: тянет, сколько может; на пути попала травинка или камушек, он обходит их; упала его ноша в ямочку, он не теряет надежды, не бросает своей находки, пока не дотащит её до муравейника. Вот и поучение для нас! Кто так же неутомим, как муравей, так же заботлив, неустрашим, тот не будет беден; а кто ленив, кто не любит приложить рук к работе, а если и станет работать, то кое-как, поневоле, а придет несчастье — у него и руки совсем опускаются“... Особенно батюшка Иоанн подчёркивает в своём поучении то, что и среди людей есть такие хозяева, которые тру- дятся, как мура- вьи. „Солнце никогда не застаёт их в постели. Они встают рано, потому что труд, работа — это их жизнь, их удовольствие, их честь... У трудолюбивого хозяина, как и у муравья, нет ни начальника, ни приставника, его никто не гонит на работу, — он сам идёт и в поте лица трудится без страха“. Всегда ли мы с вами, ребята, можем поступать так же? Можем ли мы трудиться только из любви к труду, только для того, чтобы везде был достойный порядок: и в школьных, и в домашних делах?

Итак, прежде всего, пример для подражания — неутомимый характер муравья. Чем же он так неутомимо занят целыми днями? Давайте отправимся в гости к муравьиному семейству.

Во-первых, оно многочисленно. Например, наш чёрный древесный муравей-древоточец устраивает своё жилище в старых пнях. В его семье около 20 тысяч сродников, а бурый садовый муравей живёт в „небольшой“ семье, где домочадцев чуть больше четырех тысяч.

Во-вторых, семейство это дружное и работающее. У муравьёв, как и у пчёл, общественное устройство семьи с чётким распределением обязанностей. Конечно, чтобы в большом хозяйстве был порядок, все обязанности должны быть чётко распределены. Вот, например, есть у муравьёв своё стадо. Учёные очень давно, почти двести лет назад, заметили, что обычная маленькая тля является муравьиной коровой. Когда тля лакомится сладким соком растений, то не весь выпитый сок усваивается в её организме: капельки появляются на кончике брюшка. Чтобы капелька эта не мешала, тля время от времени отбрасывает её задними ножками подальше от себя. Эти сладкие капельки покрывают листья и стебли растений и становятся медвяной росой — любимым лакомством муравьёв. Наверное, какой-то муравьиный прапрадед попробовал её, угостил своё семейство. Сладость так понравилась, что её стали искать повсюду и очень быстро обнаружили тех, кто производит её. Маленькие тли, проживающие поблизости, оказались производителями этого лакомства. Сначала между ними и муравьями возникла дружба-взаимопомощь, а потом эта взаимосвязь стала неразрывной, ученые называют такие тесные отношения словом *симбиоз*. Со временем муравьи научились „доить“ тлей, щекоча их брюшко своими усиками, а тли перестали разбрызгивать своё сладкое молоко, а стали дожидаться, пока их кто-нибудь из муравьёв подоит. Некоторые тли, когда их „доит“ муравьи, почти каждую минуту выделяют по капельке сладкого сока. Они становятся как бы живым насосом, перекачива-

ющим муравьям растительный сок из листьев, попутно они обогащают этот сок сахаром. Подоив тлю, муравей-пастух передает этот сладкий груз муравью-носильщику. У чёрного муравья для переноски сладкой добычи есть специальный маленький „молочный бидончик“, его объём всего два кубических миллиметра. Возьмите линейку, отмерьте два миллиметра и представьте себе, какая крошечная ёмкость получится. А теперь восхититесь работоспособностью этого маленького создания: чтобы доставить в муравейник пять литров сладкого „молока“ (а его заготовкой занимается каждый пятый из всех обитателей муравьиной семьи), надо сбегать на пастбище не менее пятисот раз! Если бы это должен был делать кто-нибудь один, то представляете, ему пришлось бы сбегать на пастбище и обратно больше двух миллионов раз! Вот такая напряжённая жизнь! „А ведь муравьи-скотоводы не только „доят“ тлей, — рассказывает Игорь Акимович в книге „Мир животных“, — у них много и других хлопот. Осенью надо загнать „скотину“ в теплые „стойла“ в муравейнике. Весной выгнать на пастбище. Сначала муравьи выносят тлей ненадолго. Они погуляют немного, подышат свежим весенним воздухом, и муравьи уносят их обратно в муравейники. Но все жарче припекает солнце, лопаются почки на деревьях. Пора за работу! И муравьи несут своих „коров“ на зеленеющие деревья и травы. Несут в челюстях, а тли послушно поджимают ножки, чтобы не цеплять ими за ветки. „Пастухи“ не оставляют своё стадо без охраны, они защищают его от божьих коровок, клещей, златогазок и прочих врагов. Иногда, чтобы лучше защитить своих кормилиц от врагов и непогоды, они даже строят „коровники“: обмазывают стебли с тлями землёй, сооружают над ними землянки. Входы и выходы из коровников тщательно охраняют“. Ребята, если вы присмотритесь повнимательнее, то увидите такие „коровники“ на стебельках молочая, цикория, подорожника, а иногда и на сосне.

Но есть среди муравьиных коров совершенно особые, чье молоко ценится настолько, что муравьи даже кор-

мят их своими яйцами. Например, они так любят гусеничное молоко, что даже селят гусениц у себя в муравейниках, кормят их свежими листиками, охраняют их куколок и даже помогают куколке освободиться от лопнувшей оболочки, но как только из куколок выведутся бабочки, муравьи теряют к ним интерес и отпускают на волю.

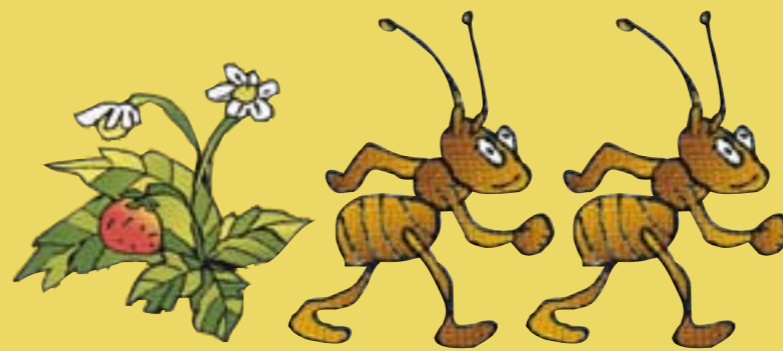
Есть у муравьёв, кроме „скотоводства“, ещё одно весьма полезное увлечение. Они отличные цветоводы. Когда ранней весной вы увидите на склонах золотые пушистые кружочки мать-и-мачехи или других первоцветов, знайте — это работа маленьких тружеников-муравьёв. В природе все устроено необыкновенно мудро. С первыми лучами весеннего солнца земля покрывается скромными цветами, по-весеннему нежными, совсем недолго радующими наш взор, потом словно исчезающими с лица земли до следующей весны. Учёные называют растения-первоцветы *эфимероидами* за их столь недолгое, почти что мимолетное посещение земли. А знаете, ребята, что распространяются эти, такие желанные нам ранней весной, цветы благодаря своим добровольным помощникам — муравьям. Цветоводами наши муравьишки стали, так как им очень нравятся сладкие плодики-клубеньки, которые образуются на корнях первых весенних цветов и являются их семенами. Муравьи растаскивают эти плоды по своим гнёздам, теряя их по пути, и таким образом сеют цветы, которые подарят нам радость с первыми тёплыми днями.

Муравьи не только хозяйственны, но и весьма гостеприимны. Отношения муравьёв с гостями учёные называют красивым словом „симфилия“ (что в переводе с греческого означает „содружество“). Гостят в муравейнике, живут там месяцами, как в гостинице, тысячи видов жучков, множество пауков, клещей, кузнечиков и бабочек. Иногда желан-

ными гостями в муравейнике становятся улитки. Так что муравьиное гостеприимство безгранично. Кто-то из посетителей муравейника расплачивается за проживание пищевыми продуктами, которые они приносят с собой и угощают хозяев. Кто-то благодарит хозяев по-другому: чистит муравьёв, истребляет их паразитов, укрепляет своей паутиной стенки общего дома-муравейника.

Каждый из вас, наверняка, гуляя по лесу, видел большие конические кучи из веточек и хвои? Теперь же, встретив их, вы будете знать, какая насыщенная жизнь протекает в этих, на первый взгляд, примитивных жилищах. В крупном гнезде может находиться до миллиона обитателей. Зимует это большое семейство в многочисленных гнёздах-камерах, на которые разделён муравейник. А весной наступает пробуждение: первыми просыпаются разведчики, которые заснули последними осенью и поэтому оказались под самой крышей дома. Они пробираются наверх, греются на солнышке, а когда их панцирь раскаляется, то бегут в гнездо, согревают своих соседей и тем самым сообщают им, что наступила весна и пора просыпаться. Вот так проявляется забота друг о друге в большой муравьиной семье.

Как же устроен муравьиный „особняк“? В центре обычно расположен главный зал, устроенный в старом трухлявом пне. Это самое комфортное место жилища, оно для матери-основательницы рода, которая может снести до семи миллионов яиц, как утверждают знатоки секретов муравьиной жизни. А вокруг неё хлопочут

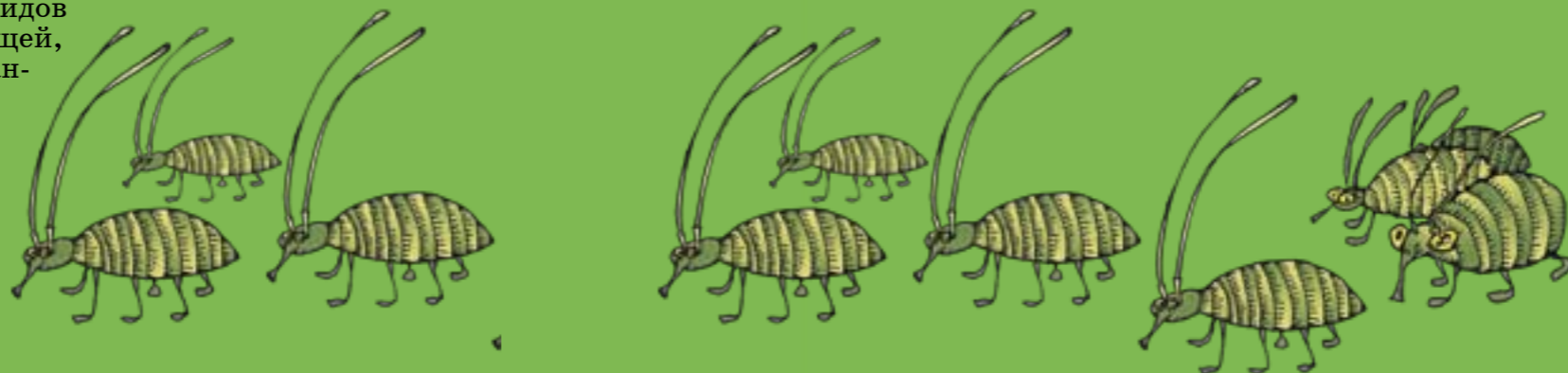

тысячи помощников. Одни её кормят, другие чистят, третьи ухаживают за яйцами, и ещё множество нянек перетаскивают личинки в другие отсеки-гнёзда, где будут с ними нянчиться. Между комнатками-камерами в муравьином гнезде множество коридоров-тоннелей. Муравьи очень не любят сырости, поэтому постоянно „ремонтируют“ крышу дома, перетряхивая её. Капитальный ремонт дома приходится им делать каждую весну, когда после зимы он оказывается сплюснутым под давлением снега. К тому же семья растёт, поэтому к дому добавляются всё новые комнатки, увеличивается количество вентиляционных каналов, пешеходных тоннелей, каналов для отвода воды и других сложных коммуникаций. Так что строительные работы не прекращаются ни на минуту.

Так вот, выполняя все эти работы: ремонтируя дом, добывая пищу, вскармливая увеличивающееся семейство — и трудится целыми днями маленький неутомимый обитатель земли, Божье творение, муравей. Так живёт он в трудах, может быть, внимательно наблюдает за нами, и мы должны с таким же вниманием относиться к нему, чтобы не нарушить гармонию его жизни, нечаянно не раздавить его, не разрушить его дом, в

который вложено столько трудов.

Много лет назад, когда я училась в школе, наш класс был зачислен в отряд „Юных лесничих“ и после учёбы помогал поддерживать порядок в лесу. Одной из наших забот была операция „Муравей“. Мы огораживали самые крупные муравейники, наносили их на специальные карты, рисовали и устанавливали красочные щиты, где просили посетителей леса не обижать муравьёв, не разрушать их жилища. Мы наблюдали за их жизнью не только в природе, но даже в кабинете биологии: рядом с аквариумом и клеткой с птичками у нас был сооружён искусственный муравейник. Наблюдая за муравьишками, мы лучше понимали окружающий мир, а наши души наполнялись чувством восхищения мудростью и неутомимостью этого маленького существа. А ещё в нас возрастало такое необходимое всем нам чувство родства по отношению ко всему живому, ко всем Божьим созданиям. Мы не знали еще совета мудрого Соломона „пойти поучиться у муравья его трудолюбия“, но, благодаря нашим учителям, уже тогда на собственном опыте мы поняли и почувствовали, с каким достойным уважением созданием, муравьём, живём на одной земле.

Подготовила Галина Крупина

Рисунки Вячеслава Черникова

Московское

Тёплым ветром овеет затихшую Москву закапанная воском Вербная неделя. Меж девичьих ладоней порозовеет Четверг.

Подойдёт робко ночь со Страстной на Светлое Воскресение.

В одиннадцатом часу освещают Кремлёвские соборы. Задрожат отблески на вызолоченной через огонь главе восьмиугольной Ивановской колокольни и пятиглавом соборе Успенском.

Затихнет ропот тысячной толпы, и трепетными огнями зажгутся первые свечи. В полночь над старым Кремлём бухнет первый удар Ивана Великого, густой волной поплывёт в ночь, и загудит ответно Москва радостным звоном своих колоколен.

А над Кремлём, над мокрыми зеленеющими полями Руси — зёрна тихих звёзд. Отгудит Москва, снова ударят кремлёвские звонари во все колокола, и под общий перезвон, колыхнувший пламя свеч, из двенадцати соборов тронутся древние хоругви, златокованные кресты и иконы мимо освещённых снизу стен. Тысячи огней понесёт жаркая толпа, крестясь и подпевая: „Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех...“

Радостные, мелкие звоны, девичьи лица, весеннее небо Москвы.

А над Замоскворечьем и ветвями Александровского сада бесшумно пронесутся, прорезав небо, потешные огни и, развернувшись в венцы, алыми и изумрудными звёздами потекут вниз, отражаясь в чёрных водах чуткой реки.

Утром в открытые окна — звонкая, весёлая медь.

На столе — пасхи, куличи, ромовые бабы и горки яиц в молодой колкой зелени. На прибранных солнечных улицах хлопают под ветром флаги.

Идти в Кремль на поклон мощам по усыпанным песком дорожкам, мимо пушек, выставленных за ограды соборов, и, словно первый раз, слышать волнующий звон, видеть кирпичные стены и небо и знать, что мягкий ветер качает в садах серёжки берёз, а в полях — мохнатый ивняк...

Своды колокольни прохладны. Сырая лестница ведёт мимо площадок, где сеют старые купели и белеет голубиный помёт, ведёт выше, туда, где, переливаясь, бьются и дрожат старые колокола. Ветер прохладно дует в лицо. Звонарь, упёршись ногами в настил, забыв всё на свете ради звона гудящего, раскачивается тяжёлый язык. Когда руки умяются, звонарь ляжет на перила, и кажется ему, что качается плавно колокольня, вот упадёт.

В колокола вцепятся московские ребята. Под незнающими буйными руками целый день будут всклокоченно лихо петь колокола.

В крылатом голубином плену — чистое небо.

На окраинах Москвы яйца катают. Круглая песчаная лунка — широкий кон — уравнена, утрамбована.

На Девичьем поле — разъезд. Купцы катают сестёр, что чинно сидят в шубках красного плюша или зелёного бархата...

Где-то переулком с песней идут студенты. Шинели нараспашку, вольный шаг, берёзовый лист на гербах фуражек. Москва пахнет землёй, травой, деревней.

С колоколен — разлётные звоны. Всё в грудь. Не расскажешь — замрёшь. Знать, весна. Знать, в перелесках Руси распустилась черёмуха...

Л. Зуров

Вид колокольни Ивана Великого в Кремле

Редакция: Свято-Шафнютьев
Боровский монастырь.
249010 Калужская область, г. Боровск,
телефон (48438) 4-37-39.
Главный редактор
игумен Серафим (Савостьянов)
Зам. гл. редактора Ирина Есинская
E-mail: pafnuty_abbey@mail.ru